

А.Н. Иванов

АЛКУИН-УЧИТЕЛЬ: ИСТОКИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ И АНТРОПОЛОГИИ

В статье осуществляется попытка осмысления истоков философско-образовательных и философско-антропологических взглядов и методов на примере работы кружка-академии средневекового философа Алкуина. Алкуин создал модель будущего университетского образования, которое способно вывести человека к высшим, сверхпрагматичным, духовно-нравственным смыслам. Его философия образования достраивается с помощью христианства до культурно-исторического и антропологического уровня, единственно способного превратить человека в человека.

Для культуры западного средневековья большое значение имело возникновение первых в Европе университетов. Так, в 1160 г. был образован Парижский университет, примерно в то же время – Болонский, в 1167 г. – Оксфордский, в 1209 г. – Кембриджский, в 1222 г. – Падуанский, в 1224 г. – Неапольский, в 1347 г. – Пражский, в 1364 г. – Краковский.

Становлению этой системы высшего образования предшествовало появление светских кружков-академий при дворах европейских монархов. Душой подобного кружка был и Алкуин (735-804). Члены кружка, принадлежавшие к королевской семье и высшей франкской знати, составляли такой род академии, который соединял в своих занятиях знание классической литературы с богословской начитанностью. Для самого Карла Великого, пригласившего Алкуина взять на себя организацию школьного дела в Франкской монархии, знаменитый богослов и учёный был не только преподавателем, но и советчиком, особенно по делам церковным и школьным.

Как философ Алкуин примыкал к Августину Блаженному, а через него – к античному неоплатонизму. В своих сочинениях Алкуин говорит о назначении светского образования, основанного на античных традициях. В соответствии с ними, развивая риторику и диалектику древних греков, он придал своим учебникам диалогическую форму. Как и перед Августином, перед Алкуином стояли прежде всего задачи перевода древнегреческой мысли на язык западно-европейской культуры. Проблема перевода культур была знакома и славянским первоучителям Кириллу и Мефодию в России в IX в.

Философ-учитель здесь выступает «переводчиком» особого рода, где переводить – это значит мысленно бдить и испытывать». Это совсем не простое упражнение или формальная гимнастика мысли. Подлинный перевод всегда означает и становление самого переводчика, его вхождение в предмет, т. е. обогащение самого его как события,

а не только расширения его кругозора. Вот в этом и состоит непреложное значение Кирилло-Мефодьевского дела. Это было становление и образование самого «славянского» языка, его внутренняя христианизация и воцерковление, преобразование самой стихии славянской мысли и слова, славянского «Логоса», самой души народа.

Что представляло собой образование как понятие в древнегреческой философии? Для определения образования греки употребляли термин «παιδεία» (образование образа, выстраивание, выаяние). Как наука для них не являлась изначальным совершением истины, так и сущность образования не сводилась к усвоению суммы знаний о сущем. Это было мышление, в котором как бы существовало действие, не дающее результатов, не оказывающее воздействия на сущее, превосходящее практическую действенность науки, ибо его сущность покоится в ἀλήθεια (истине), или же в раскрытии потаённого. У них действенность подлинного образования заключалась в переводе человека из обыденного пространства наличных предметов в пространство, где просветляется мир, ἐπιμέλεια – заботе, лелеянии εἶδος (α) [живого образа] человека.

Что же такое этот мир, который должен вывести человека из сокрытости в несокрытость подлинного образования? Греки утверждали, что многим не может овладеть человек, а всякое владение остается непрочным, преходящим. Лишь немного познает человек, познает приблизительно. Но посреди сущего, а не в стороне от него совершается и нечто иное: раскрывается мир, бытийствует сути открытое место, просвет, который окружает всё сущее. Мир, принадлежащий открытости, или просветлённости просвета, это уже не простое скопление или сумма предметов, а несокрытость, или истина. Мир никогда, считали греки, не бывает предметом, он есть та бытийствующая непредметность, которая обеспечивает человеку подступ ко всему сущему, в том числе к человеку. Благодаря открытости мира сущее выступает в истине свое-

го бытия. Оно распускается, расцветает во всей полноте своей самобытности и своеобразия, не заслоняясь другим сущим, не загораясь мелким, суетным сиюминутным. Как только раскрывается мир, все вещи становятся по-своему родственными человеку, поскольку, множа бытийствующий мир смысла, образование впервые придаёт вещам их вид, позволяет всё воспринять в его подлинном облике, сопрягая бытие человека с несокрытостью бытия мира в целом.

Мир для греков есть открытость сущностных решений, где человек следует или перестаёт следовать им, где он постигает их или вновь вопрошает, где он постоянно стоит перед выбором, что свято, а что скверно, что величественно, а что ничтожно, что благородно, а что малодушно. Таким образом, подлинное образование в Античности призвано основывать, удерживать, охранять и воссоздавать богатство культурно-исторических, нравственно духовных ценностей и смыслов. Только такое образование способно захватывать духовность человека в целом, возвращая его к своей сущности и побуждать жить в ней, открывать высшее предназначение и достоинство человека в том, чтобы беречь истину бытия и тем самым тайну всего существующего на этой земле. Подлинное образование вводит людей образованных вовнутрь общей принадлежности истине и тем самым полагает основу, или почву, их совместного бытия друг с другом и друг для друга. Такое бытие и есть исторически совершающееся и обнаруживающее себя бытие человечества, внутренне сопряжённое с истиной всего сущего. Для античных учителей образование только тогда выполняет свою миссию, когда оно выводит к высшим, сверхпрагматичным, духовно-нравственным смыслам, достраивается до культурно-исторического, гуманитарного, антропологического уровня, единственно способного превратить человека в человека.

На этих основных принципах строит своё педагогическое здание и Алкуин-учитель. По Алкуину, христианское просвещение создает новые Афины, только ещё более высшего свойства, потому что Христос возвышается над мудростью древнегреческой академии. Но Бога (запредельный, высший смысл всего) не включают в урок, так как урок – это всегда гражданское, мирское дело. Доказательство этому мы видим в беседе ученика Пипина с схоластом Альбином:

- « 1. *Пипин.* Что такое буква?
Алкуин. Страж истории.
 2. *Пипин.* Что такое слово?
Алкуин. Изменник души.

3. *Пипин.* Кто рождает слово?
Алкуин. Язык.
 4. *Пипин.* Что такое язык?
Алкуин. Бич воздуха.
 5. *Пипин.* Что такое воздух?
Алкуин. Хранитель жизни.
 6. *Пипин.* Что такое жизнь?
Алкуин. Счастливым радость, несчастным горе, ожидание смерти.
 7. *Пипин.* Что такое смерть?
Алкуин. Неизбежный исход, неизвестный путь, живущих рыдание, завещаний исполнение, хищник человек.
 8. *Пипин.* Что такое человек?
Алкуин. Раб смерти, мимоидущий путник, гость в своём доме.
 9. *Пипин.* На что похож человек?
Алкуин. На плод.
 10. *Пипин.* Как помещён человек?
Алкуин. Как лампада на ветру...»¹

Весь урок Алкуина, и здесь и далее, сливается в единое целое с особым центром. Этим центром является вопрос о человеке. Схоласт рассматривает человека как древние греки – как не подлежащую никакому сомнению меру всех вещей. Каждая вещь бытия мира, по аналогии с софистом Протагором, у Алкуина должна быть дана в человеческом измерении, как и полагается во всяком учебном деле.

Человек-объект и человек-делатель отождествляется в его уроке в едином смысле, и оттого космос (мир вещей) предстаёт целостным – пригодным к обучению, к тому, чтобы учиться быть в нем. Тесная связь вещей нерушима и предопределена: звено к звену, цепочка к цепочке. Непрерывно учёное словопрение Алкуина, как непрерывна жизнь. Жизнь как бесконечно длящаяся песня-слово, составленное из множества слов в одном Слове о мире, слове-смысле.

Особый взгляд Алкуина на текст как целое, построенный по кантиленному принципу представлять мир как школу, привёл к тому, что слова-вопросы и слова-ответы, слившись, стали учебным материалом мироздания как мирознания. Назвать букву стражем истории, учительски аподиктично, означает, что так оно и есть: назвать – значит оговорить названное в качестве не только существующего, но и бытийствующего, ожившего и навсегда с этого момента живущего в слове.

При таком кантиленном (непрерывно-смысловом) принципе миропреподавания определить и

обосновать возможно всё. И этому нет конца, как и нет твёрдого знания. Есть лишь учёное незнание, равное в идеале знанию-переживанию смысла как тайны. Ибо только смысл есть цель. Зияние между вещью и именем – место для смысла, остающегося всегда тайной. Разгадка этой тайны – чудо. Это чудо и входит в умение Алкуина учить.

Чудо это в словах, воспроизводящих жизнь того или иного события в ткани букв, слов и предложений. Но не в простых словах, а в таких, слияние, сцепление которых загадочно-парадоксально. Здесь знание о вещи предстаёт знанием об умении сказать о ней, умении научить этой вещи, то есть изготовить предмет обучения (что означает, прежде всего, озадачить ученика тайной очевидного). Продлить вещь в личном действии с ней

значит её познать. Только данная в парадоксальной форме тайна может стать для Алкуина очевидной, стать предметом диалога и ума, быть делом учителя, высветляющего смысл для просветления ученика.

Канон Алкуина – изготовить «машину, которая учит учить». Этот «агрегат» учителя из учителей, рассчитанный навсегда, выдержал шесть столетий. Цель – выучиться смыслу смыслов для праведной жизни. Эта цель внеучебная, но ради неё дана вся эта учеба в вопросах и ответах как бы между прочим. Ведь урок Алкуина – всего лишь о научении учить. Здесь-то и рождается будущая схоластика, замышляется назидательная символика, репетируется дидактическое искусство диалога университетских времён.

Список использованной литературы:

1. См.: Алкуин. Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином-схоластиком /Памятник средневековой латинской литературы IV-IX веков. М., 1970.
2. См.: Рабинович В.Л. Образование и образ. Урок загадок Алкуина (VIII век) для школы будущего (XXI век?) /Философия образования для XXI века. М., 1992. С. 181-188.